

Интервью с Маргаритой Янкаускайте

«ВАЖНО НЕ ТОЛЬКО ЗНАТЬ, КАК ИССЛЕДОВАТЬ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, НО ТАКЖЕ – КАК ПРОДВИГАТЬ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕНДЕРНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И АКТИВИЗМОМ В ЛИТВЕ

Интервьюерка – Ольга Сасункевич

Маргарита Янкаускайте, PhD – экспертка Центра продвижения равенства, член Социал-демократической партии Литвы.

О.С.: *Маргарита, расскажите про свой опыт в гендерных исследованиях. Как Вы начали ими заниматься?*

М.Я.: Если начать с истоков (*смеется*), то, наверное, мой путь покажется не совсем традиционным. В 1992 г. в Литву была привезена идея self-esteem (самоосознания и самооценности). Меня она заинтересовала, потому что мы как люди, жившие в Советском Союзе, можно сказать, были психологически искалечены. Период начала 1990-х казался временем начала новой жизни в Литве, поэтому идея повышения самооценки была очень актуальна. Она основана на философии, что сначала надо познать, а потом принять себя. Я отнеслась к этому серьезно и стала искать психологическую литературу, которая бы помогла мне понять себя. Я только-только родила сына и резко ощущала, что мой опыт фундаментально отличается от мужского. Начала искать литературу, которая помогла бы понять свои ощущения. К тому времени уже появилась возможность читать психологическую литературу, которая в советские времена была недоступна. Я перечитала очень много литературы и в какой-то момент вдруг поняла, что не нахожу ничего, что могло бы мне помочь переосмыслить мой опыт. Вся психологическая классика была посвя-

щена мужчинам и в лучшем случае какой-нибудь один маленький абзац о том, что у женщин все так же, только наоборот (*смеется*).

Для меня такого объяснения было недостаточно, и я начала искать, что отражало бы мой женский опыт. В 1995 г. был издан на литовском сборник переводов феминистских текстов под названием «Экскурсы феминизма» (под ред. Карлы Груодис, которая, будучи литовкой по происхождению, большую часть жизни провела в Канаде). Издание этой книги было поддержано Фондом открытой Литвы, финансируемым Соросом. Когда я эту книгу прочитала, у меня случился культурный шок. Думала, неужели в жизни все так плохо, как пишут в этой книге? Решила перечитать ее, чтобы понять, на что я так отреагировала. Прочла второй раз и поняла, что в жизни еще хуже. Так появился интерес к феминизму и гендерным исследованиям.

В 1997 г. появилась возможность писать докторскую, и я стала думать, как это совместить с еще более глубоким изучением темы феминизма. Решила, что буду писать о художницах.

Теперь даже рассказывать неловко, как писалась эта диссертация, потому что в Академии искусств, где я защищалась, не было ни одно_й преподавателя, котор_ая мог бы руководить такой темой с теоретической и методологической точки зрения. Но я сердечно благодарна моей руководительнице Ингриде Корсакейте, которая сказала: «Я ничего не понимаю в этой теме, но знаю, что если не соглашусь, ты не получишь возможности защитить эту диссертацию». Я стала работать самостоятельно, так, как понимала. Обстоятельства складывались в мою пользу, и каждый новый прочитанный текст помогал мне направить свое исследование.

Как-то мне выпала удача поехать в Швецию, в Гетеборг, в рамках программы обучения для взрослых. Шведы предоставляли питание и жилье на месяц, в течение которого кажд_ая из нас мог_ла заниматься своим проектом. Я использовала этот месяц на работу в библиотеке Университета Гетеборга. И когда я увидела, какой там отдел гендерной и женской литературы, со мной случился второй культурный шок (*смеется*). Это была большущая комната, от пола до потолка загруженная книгами. Я подумала: «Боже мой, сколько уже написано всего!» Мы даже не подозревали, что вся эта литература существует! Я по ночам копировала эти книги (администрация не могла понять, куда пропадает бумага). Потом привезла эти копии в Литву. В Литве дальше искала литературу. И вот так написала и защитила диссертацию.

В начале 2000-х, когда я еще училась в докторантуре, меня пригласили в Центр гендерных исследований в Вильнюсском университете. Там начала преподавать гендерную теорию. Но еще до Вильнюсского университета я преподавала в Каунасе. Начинала как преподавательница истории прикладного искусства. Но, когда стала искать литературу о самосознании, так увлеклась темой, что хотелось со всеми делиться своими находками. И я предложила курс про

женщин (не помню уже названия), который имел большую популярность. Иногда на лекции приходило по 150 студенто_к. Я до сих пор встречаю бывших студенток, теперь уже взрослых женщин, посещавших его, которые говорят, что для них мои лекции стали поворотным моментом, изменившим их понимание личной жизни и общества.

Я начинала с очень эссенциалистского понимания гендерной проблематики (когда читаешь некоторых феминистских авторов, например Иригарей, это, наверное, неизбежно), но со временем стала из этого вырастать. Так постепенно и училась.

– А как происходила институционализация гендерных исследований в Литве?

– Институционализация началась еще в самом начале 1990-х, но я не стояла у истоков. Наиболее значимыми фигурами в то время были Герде Пурваняцкене и Мария Аушрине Павиленене. От них пошла инициатива сплотить женщин-интеллектуалок, которые работали в университете и делали какие-то инициативы, связанные с феминизмом и ГИ. Тогда же стали появляться первые исследования, связанные с насилием в отношении женщин, которые в основном делала Пурваняцкене. А Павиленене больше работала в области создания и продвижения гендерных публикаций. Она начала издавать журнал «Феминизм, общество, культура».

– Вы начали свой путь в гендерных исследованиях с изучения искусства и феминистской философии. Но потом у Вас произошел переход к политике и активизму. Вы можете рассказать об этом процессе?

– Переход случился не совсем по моей воле. После защиты диссертации я начала работать в Центре гендерных исследований в Вильнюсском университете. Однако со мной не продлили контракт, и я осталась без работы. Но очень хотелось работать в этой теме. И меня пригласили в Центр продвижения равных возможностей, где работаю до сих пор. Я пришла в период становления Центра, так как Виргинии Алексеюне, нашей директорке, нужен был кто-то, кто мог бы развивать деятельность Центра содержательно. Мне, на тот момент, было совсем непонятно, как функционируют организации, работающие за счет проектов, но было очень важно остаться в гендерной теме, и я согласилась.

– Но Вы не жалели, что Вам пришлось уйти из академии?

– Я продолжала и продолжаю совмещать эти сферы деятельности. Не занимаюсь непосредственно исследованиями, но преподаю студентам. А для этого нужно постоянно обновлять академические знания, «держатъ руку на пульсе». В итоге это придает дополнительную ценность и активистской деятельности, которая строится на солидном академическом бэкграунде.

Однако в последнее время я все чаще задумываюсь о том, что только академического бэкграунда недостаточно в активистской работе. Важно не только знать, как исследовать те или иные проблемы, но также – как продвигать структурные изменения. А для этого нужно знать, как функционирует политическое поле, как люди воспринимают перемены, почему одни изменения могут произойти быстро, а другие требуют больших усилий и времени.

И академия, и активизм обладают большим критическим потенциалом. Но, смотря на изменения с точки зрения политического процесса, все чаще замечаю, что фокус на критику не всегда оказывается успешной стратегией в работе как с политиками, так и с населением. Поэтому сейчас пытаюсь искать пути диалога с институциями, и появляются свои нюансы: если институция совсем «слепая» по отношению к проблеме и ничего не хочет слышать, открытая конфронтация и критика может послужить толчком к изменениям. Но когда появляется осознание проблемы, то скорее всего более продуктивно идти по пути диалога, предлагая помощь институциям.

Возможно, это еще и возрастной момент – уже энергии нет головой биться о стенку. Поэтому думаю, для активизма очень важно, чтобы в нем были представлены разные возрастные группы, когда молодые активист_ки высказывают требования более радикально, а те, у кого уже энергии поменьше и опыта больше, работают с институциями. И здесь важны разные формы активизма, как более, так и умеренные радикальные, потому что они не противоречат, а дополняют друг друга и позволяют работать более эффективно.

Мне кажется, нам нужно вернуться к одному важному посылу второй волны феминизма, а именно к идее сотрудничества между академией и активизмом. В Литве есть проблема в этом отношении. Во-первых, людей, занимающихся гендерными исследованиями, в принципе мало, потому что они так и не стали мейнстримом в литовской академии. Существует масса тем, которые через гендерную призму не рассматриваются. Например, теперь становится популярным исследовать явление бедности, но без гендерного аспекта. Во-вторых, сами исследователь_ницы иногда узко понимают свое назначение: считают, достаточно того, что сделано исследование, а дать, например, публичное интервью боятся, потому что это слишком прямолинейно и категорично, а настоящая наука требует нюансов. Таким образом, исследователь_ницы дистанцируются от политической повестки. Но тогда встает вопрос, чем же они заняты? Исследователь_ница долж_на нести весточку, особенно если это социальные науки. Но наука почему-то понимается как что-то более высокое, чем активизм. Хотя, конечно, нельзя сказать, что все литовские исследователь_ницы занимают такую позицию. Есть те, кто видит значимость своего вклада в активизм. Они пишут комментарии в СМИ или пытаются распространять свои исследовательские поиски через социальные сети, т.е. ищут пути сближения академии и активизма, пытаются преподнести информацию так, чтобы она была доступна и вне академии.

И мне кажется, что это большой вызов для гендерных исследований, – как проложить мостик между глубокими исследованиями и применимостью их результатов на практике, поощряя положительные социальные изменения. Если нет диалога между академией и обществом в социальных исследованиях и гендерной теории, то они просто подрубают свои корни, потому что широкой аудитории (в том числе политикам) трудно понять значимость этих исследований, а исследованиям получить финансирование. А для активистов отсутствие такого диалога означает недостаток аргументов для лоббирования изменений на политическом уровне. В Литве участники политического процесса гендерное равенство не ассоциируют с повседневностью, с тем, как люди живут и как это воздействует на все – от экономики до уровня удовлетворенности жизнью.

– Говоря о поднятой Вами критике академии, означает ли это, что литовская академия оказалась не очень восприимчивой к изменениям и что появление в ней гендерных исследований никак особо не сказалось на изменениях внутри академии?

– Думаю, тут нужно смотреть с другой стороны. Можно обратиться к Нэнси Фрэйзер и ее идеям о связи между феминизмом и неолиберализмом. В Литве в этом смысле ситуация классическая. Как известно, вторая волна феминизма поднималась как раз в тот момент, когда в структуре капитализма стали проявляться неолиберальные тенденции. А Литва стала площадкой эксперимента освобождающегося рынка. В Северной Америке и Западной Европе к тому времени феминизм был сильным социальным движением и мог хотя бы как-то влиять на структурные изменения. А в Литву феминизм уже пришел в «неолиберальной оболочке», поэтому самое широкое распространение в Литве получили те аспекты феминистской повестки, которые в большей степени соответствовали интересам трансформирующейся капиталистической системы. Идея интеграции женщин на трудовом рынке не столкнулась с большими препятствиями. Начал подниматься и вопрос о балансе между семейными и рабочими обязанностями, но, как оказалось, не для достижения равенства мужчин и женщин (например, в распределении домашней работы), а ради включения женщин в трудовой рынок в качестве более дешевой трудовой силы. Часто умалчивается факт, что активное участие женщин в рынке труда не всегда устраняет риск относительной бедности и не меняет характер распределения труда в домашней сфере. То есть в обсуждении вопросов гендерного равенства заметна селективность.

Это я все к тому, что приход в Литву гендерных исследований и феминистских идей не имел структурного воздействия. Они никогда не считались престижной академической областью. Главным аргументом их создания был тот, что «это существует в западных университетах, давайте и мы у себя сделаем». А теперь их пытаются присоединить к разным программам и центрам. И мне кажется, что на институциональном уровне гендерным исследованиям почти нет

места в литовской академии. Они не стали движущей силой, не смогли оказать большого давления на структуры, как это было на Западе. Это была маленькая группа женщин, которые пытались что-то делать, но не было массового движения.

– Проблема раскола и отсутствия солидарности в феминистском/женском движении не уникальна для Литвы. Другие институции/центры региона тоже прошли через это. Как Вы думаете, почему так произошло, ведь солидарность – одна из ключевых ценностей феминизма?

– Потому что идеи феминизма были привнесены извне. Они не рождались на наших улицах, поощряя ученых переосмысливать процессы местной политики, экономики, культуры и искать продуктивные системные решения. У нас процесс живой связи «улицы» и академии не состоялся. Мы читали книжки. Но это не всегда помогало переосмыслить свою реальность. Я и сама с этим сталкивалась неоднократно. Бывало, ведешь семинары, основанные на прочитанном знании, а у людей картинка не складывается, они не узнают в твоих словах своего опыта. Пока я старалась объяснить явление дискриминации женщин через призму прав человека так, как это излагалось в текстах американских или скандинавских авторов, никто вообще не понимал, о чем я говорю. Но однажды один коллега навел меня на мысль говорить с людьми с позиции их ценностей, и я поменяла свою риторику. На постсоветском пространстве, согласно исследованиям, превалируют ценности выживания, и я проблему дискриминации начала объяснять именно с этой точки зрения, просто спрашивая участниц: «Вы понимаете, что у вас из-за дискриминации заработная плата меньше и пенсия будет меньше?» И тогда все вдруг начали понимать, что они дискриминируются, и появилось какое-то осознание, что права женщин в обществе все-таки ущемляются.

Это небольшой, но показательный пример. Мы феминизм принесли извне: что-то взяли, а что-то забыли, поэтому не осталось полной системы. И это наблюдается везде, не только в том, что касается идей феминизма. Очень часто так случается с хорошими западными практиками, которые у нас не работают. А не работают потому, что берем отдельные сегменты (наверное, даже до конца и не понимали чего-то в тот момент), а нужен весь набор.

Теперь понимание появляется, и приходит оно через переосмысление опыта. А на тот момент мы просто брали идеи как «фастфуд» и пытались их как-то быстро адаптировать. Я и сама думала, что вступит Литва в Евросоюз и мы сразу превратимся из постсоветского в демократическое общество. Теперь понимаю, насколько наивна я была. Так не бывает! Чтобы обеспечить переход, мы все должны будем сделать сами. Мне кажется, мы только теперь приближаемся к пониманию, что нам надо не имитировать западные идеи, а проникнуться проблемами общества и постараться ответить, как мы, будучи учеными, их видим?

Как предлагаем их решать? Какие властные структуры в этом замечаем? В социальную жизнь надо погружаться осознанно, и тогда, думаю, академическая мысль приобретет свою жизнеспособность. Пока мы просто надеваем на себя «чужое платье», потому что так надо, потому что все университеты так делают, устойчивости и выживаемости структур гендерных исследований не будет.

– Кстати, а как вступление в ЕС повлияло на гендерную повестку в Литве?

– Позитивно повлияло. Как бы политики Литвы ни сопротивлялись, все же у нас есть «ремешок» (директивы), с помощью которого активист_ки могут напомнить правильное направление. Вместе с тем общение наших чиновников с европейскими коллегами тоже помогает лучше понять, что к чему, и перемены приходят. Конечно, не так быстро, как хотелось бы. По некоторым параметрам Литва даже скатывается вниз, согласно индексу гендерного равенства. Но общий политический курс ЕС помогает обратить внимание на эту проблему местных политиков. Поэтому однозначно: вступление в ЕС – позитивный шаг. Да, на момент вступления мы не были готовы снизу начинать процессы гендерного равенства, но иногда хорошо и когда перемены инициированы «сверху».

– А как насчет поколений? Вот Вы говорили о том, что для активизма важно иметь опыт разных поколений. Появились ли новые поколения в гендерном активизме в Литве?

– Да, появляются. Их никогда не было много, но есть люди, которые моложе моего поколения и которые в этом участвуют. Активизм может и по-другому пониматься. Появляются не только активист_ки, но и «потребители» этого дискурса, своего рода фаны, которые дискутируют в социальных сетях, имеют больше чувствительности по отношению к стереотипам или проявлениям дискриминации. Также появляются дипломированные гендерные исследователь_ницы, которые учились в западных университетах, в частности в Центрально-Европейском университете. Становится все заметнее, что общий уровень чувствительности общества по гендерным вопросам выше по сравнению с ситуацией 10–20 лет тому назад, хотя эта чувствительность селективна: вопросы идентичности, культуры, свободы самовыражения быстрее находят путь к признанию, чем вопросы, которые не на руку неолиберальной идеологии, например проблемы классовой сегрегации и бедности. Увеличивающаяся гендерная чувствительность в нашем обществе не всегда глубоко социальна, но журналист_ки, когда берут интервью, уже не спрашивают: «А какая травма в детстве заставила Вас этим заняться?» (*смеется*). Какой-то, я думаю, прорыв есть, но беспокоит то, что очень селективно феминистская повестка рассматривается. Поэтому надо быть очень бдительным, чтобы все вопросы (не только аспекты культурного признания) присутствовали в нашем поле зрения.

– Тогда как раз в связи с этим вопрос о перспективах. Как Вы видите перспективу гендерных исследований, феминистского и ЛГБТ-активизма в Литве и какие пространства могут стать наиболее эффективными для реализации гендерной повестки?

– Сложно на этот вопрос ответить однозначно, потому что социальная среда очень сегментирована. Та же академическая среда очень расслаивается, поэтому обязательно нужны фундаментальные исследования. Надо не просто рассматривать отдельные гендерные аспекты в конкретных областях исследований, а иметь фундаментальное понимание того, как функционируют гендерные структуры.

Сейчас немного отойду от Вашего вопроса. Для меня он болезненный, потому что сталкиваюсь с жесткой критикой со стороны людей, которые называют себя тоталитарными феминистами в Литве и которые обвиняют меня и других в том, что вся наша деятельность, направленная на продвижение гендерного равенства, только усугубляет дискриминацию. Так происходит якобы потому, что мы используем гендерные категории и, следовательно, воспроизводим существующую систему угнетения. Если прекратить использовать категории гендера, то и проблема дискриминации перестанет существовать.

С теоретической точки зрения этот подход имеет место быть. Но как практик я его считаю очень проблематичным. Во-первых, мы мыслим категориями, и, значит, нет возможности функционировать, их не воспроизводя. Даже если вместо местоимений «он/она» начнем употреблять «они», все равно это будет категория. Если какие-то категории мы перестанем оглашать, люди по этому признаку не перестанут подвергаться дискриминации. Мы уже жили в ситуации, когда гендер никто нигде не упоминал. Но это не значит, что было гендерно равное общество. Когда активист_ки пытаются мобилизовать людей, они должны группу как-то обозначить, чтобы люди узнали себя в этом послыле. Мы видим, как много энергии люди, резко изменившие жизненные обстоятельства (например, в эмиграции), инвестируют в поиск ответа на вопрос «кто я?». В принципе, они стараются себя обозначить. Им нужны точки заземления, а это и есть категоризация.

Привожу это как пример раскола внутри феминистского движения и теории, так как думаю, что сфера академии будет фрагментироваться. Кто-то останется на уровне фундаментальной академии, но обязательно должен появиться и сегмент, который будет служить мостом между академией и активизмом, академией и обществом.

В активизме тоже появляются разные группы, которые по-разному понимают проблематику. Когда в Литве обсуждался Закон по предотвращению насилия в отношении детей, произошло нечто интересное. Обычно эти вопросы волновали тех специалистов и организации, которые напрямую работают с

детьми и сталкивались с проблемами насилия. В какой-то момент подключились неправительственные организации, которые работают в сфере прав человека, а под конец присоединился и «гламур» (телевизионные звезды). Подсоединение «гламура» открыло дополнительные каналы коммуникации, влияния, и дискуссия стала массовой. Консервативные голоса тех, кто сопротивлялся запрету физических наказаний, были заглушены, хотя на протяжении 10–15 лет именно эти голоса доминировали в публичном дискурсе.

Это была победа, которая ставит вопрос, должны ли активист_ки гендерного равенства вступать в коалицию с «гламуром»? Думаю, что в каждом отдельном случае на него будет отдельный ответ. Могут быть и точки соприкосновения, и абсолютно противоположные позиции, а это значит, что следует переосмыслить и сам активизм. Сегодня не времена второй волны феминизма, когда женщины выходили на улицу, вдохновленные идеей всеобщего сестринства и было ясно, «кто с нами, а кто против нас». Нашему поколению активист_к приходится думать о коалициях, сплоченных для достижения конкретных целей. Нет ясности и стабильности, только сплошной креатив, нужно думать, в какой ситуации и с кем ты можешь строить коалиции. Однако это компромисс. И тогда хорошо бы не потерять связи с академией. Потому что, находясь в конкретном поле и делая компромиссы ради достижения цели, нужно академическое око, помогающее понять, каковы могут быть последствия компромиссов и будет ли результат стоить «выделки». Поэтому нужны пространства и формы, где академики и активист_ки могли бы общаться между собой, углублять понимание потребностей и проблем друг друга и помогать искать решения.

Вильнюс,
28.02.2017